УДК 82-1

ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СБОРНИКЕ М.И. СИНЕЛЬНИКОВА “ОБЛАКА И ПТИЦЫ”

А.В. Козорезова

Анализируется первый поэтический сборник оригинальных стихотворений М.И. Синельникова. Приведены основные темы и идеи, которые раскрывает автор в своих произведениях, а также выявлены особенности творчества поэта.

Ключевые слова: Синельников; тематика стихотворений; мотивы произведений; хронотоп; облака и птицы; диалог культур; пейзажная лирика; философская лирика; тема поэта и поэзии; время; пространство; жизнь; смерть.

THE MAIN MOTIFS OF POETIC WORKS IN THE COLLECTION OF M.I. SINELNIKOV “CLOUDS AND BIRDS”

A.V. Kozorezova

In this article analyzes the first poetic collection of original poems by M.I. Sinelnikov. The work describes the main themes and ideas that the author reveals in his works, as well as features of the poet's work.

Keywords: Sinelnikov; themes of poems; motifs of works; chronotope; clouds and birds; dialogue of cultures; landscape lyrics; philosophical lyrics; poet and poetry; time; space; life; death.

Первый сборник стихотворений Михаила Исааковича Синельникова носит название “Облака и птицы”. Он был выпущен в издательстве “Советский писатель” в 1976 г. Тираж сборника 10 000 экземпляров, что совсем не мало для начинающего поэта! Выпустить этот сборник (по словам самого поэта) помогли хорошие отзывы значимых современников писателя – Леонида Мартынова, Вениамина Каверина, Арсения Тарковского, Михаила Зенкевича, Александра Межирова.

“Впервые стихотворения Михаила Синельникова прозвучали со страниц московских журналов около десяти лет назад и вместе с внезапным дыханием неподдельной поэзии принесли с собой в русском слове дыхание востока, дыхание киргизской земли. То был действительно чистый и сильный звук русской речи, сразу услышанный теми, кто любит, чувствует и сознает поэзию”, – так отмечал Александр Межиров [1, с. 3].

Несомненно, творчество поэта заключает в себе целый мир, все бытие в его многообразии. Однако всегда существуют какие-то наиболее общие, универсальные темы и образы, присущие произведениям того или иного автора. В данной статье нам бы хотелось обозначить ряд основных идей и мотивов, которые проявились уже в первом сборнике Михаила Исааковича – “Облака и птицы”. В дальнейшем мы видим своей целью проследить развитие этих тем в остальных изданиях автора разных лет.

В первом сборнике М.И. Синельникова большое место занимает пейзажная лирика. Мир природы в стихотворениях поэта наполнен самыми различными красками и звуками, удивительно точные метафоры и олицетворения помогают автору достичь полного погружения в удивительно прекрасный и богатый мир:

Лишь только снег малиново-зеленый
Заговорит в стозвонной тишине,
Морскою солью, синевой соленой
Тепло земли напомнит о весне.

Текут лучей пылающие пчелы.
Чернеет снег, и тяжела вода.
Куда влечет течение Печоры
За синью зорь, за изразцами льда?

М.И. Синельников. Пермские боги [2, с. 54]

Все – в облаках! Весь мир невыразимый,
Что светится, витая и горя…
Вращаются, безветрием носимы,
Столпотворения, страны и моря.

Кремнисто-серы, бронзово-багровы
И мраморно-молочны облака.
Машины, овцы, женщины, коровы
Покачивают тучные тела…

М.И. Синельников. Облака [2, с. 16]

Моря, просоленные густо.
Лагун литое серебро.
Шиповник розовый лангуста.
И рыбы белое бедро.

М.И. Синельников. Моря и живописцы [2, с. 21]

Олицетворение природы, наделение ее человеческими чувствами, воссоздает одухотворенный поэтический мир:

Как дышит синий лес еловый
Внутри кленового листа
Как локон облака лиловый
Переполняет пустота!

Мгновенный мир росы и розы –
Состав и прах, распад и рост…
Когда ж мои глядели слезы
В глаза мерцающие звезд?

М.И. Синельников. Звезды [2, с. 28]

Михаил Исаакович Синельников наделяет природу не только разнообразными красками, но и движением. Поэт рисует не одно какое-нибудь состояние природы, а показывает ее в разнообразии оттенков и состояний.

Подбросило и брызнуло…
И разом
От вздрогнувшей травы оторвало…
И солнца луч над медным волчьим глазом
Перекрывает беркута крыло.

М.И. Синельников. Киргизская охота [2, с. 30]

Холмы столкнулись, и упали,
И отбежали облака.
И в небе растворились дали.
Равнина стала велика.

М.И. Синельников. Степь [2, с. 69]

Поля отлетают ко сну понемногу,
И вслед за полями уходят леса.
И вместе с лесами, с деревьями в ногу
Вдогонку, как листья, летят голоса

М.И. Синельников. Возрождение [2, с. 62]

Напомним, что и сам сборник назван – “облака и птицы”. И эти образы – полета, неба, облаков, звезд, воздуха и птиц – встречаются у поэта практически в каждом стихотворении. Взглянем лишь на сами названия стихотворений: “Облака”, “Русская авиация”, “Звезды”, “Птицы”… Даже если на первый взгляд стихотворение не связано с темой названия сборника, то после его прочтения мы осознаем, что перед нами встают все те же образы “бесконечного неба” и птиц. Вот, например, в стихотворении “Телефонная эллегия” разговор с близким человеком стал для поэта сродни перелету птиц:

Обычный голос твой – полуночное чудо!
Раздастся, как река, прольется, как ручей.
И верстовых столбов стремительная груда
Промчится сквозь лазурь распахнутых ночей.
И паузы речей пересекают птицы,
Глаголов гул и плеск перекрывает лед.
Бесплотные слова! Но мыслей вереницы
Сопровождают их, как птичий перелет.

М.И. Синельников. Телефонная элегия [2, с. 53]

Мы не только видим в стихотворениях образы птиц, но и видим мир через них, а также через других живых существ, которые населяют поэзию Синельникова.

Такую своеобразную реинкарнацию мы находим в нескольких стихотворениях поэта из этого сборника. Думаем, такое понимание мира символизирует единение всего сущего в некий общий слитый образ – высшее начало:

Стать бабочкой ночной, прожорливой и жирной,
Так сладко, наугад блуждая под луной.
Но сводят с высоты бессонницы эфирной
Три километра сна, застывшие слюной.

Вновь совершается твоя метаморфоза.
Присниться ли тебе в лазури жарких грез,
О шелковичный червь, в бреду метампсихоза
Какой-то зимний лес и музыка берез?

М.И. Синельников. Сон шелкопряда [2, с. 60]

Я вспоминаю детский угол зренья.
И, в мураве растаять норовя,
осин осока будит подозренья
Ползущего по локтю муравья.

Полупустыня от ребра до паха.
Пока ползешь, быть может, жизнь пройдет.
И голубая грубая рубаха
Его глазам заменит небосвод.

М.И. Синельников. Лежу в траве. Росой омыта мята... [2, с. 64]

В этих стихотворениях прослеживаются буддийские мотивы, ведь именно последователи этой древней восточной религии и особой культуры верили в перерождение и переселение душ. Стоит заметить, что большая часть стихотворений ярко отражает тему быстротечности жизни, тему "мгновений" и мимолетности бытия, что также очень свойственно восточной культуре. Жизнь как сон – тема, которая ярко звучит в стихотворении "Сон шелкопряда": яркая аналогия человеческой жизни со сном шелкового червя сразу же переносит нас к древним индийским религиозно-философским концепциям.

Несомненно, что при описании природы Михаил Исаакович не мог не затронуть и не описать любимые сердцу места, ведь именно им, по сути, и посвящен этот его первый юношеский сборник. Здесь мы видим такие стихотворения, как "Киргизская охота", "Киргизская рапсодия", "Джети-Огуз – семь быков", "Мазар", "Возвращение в Киргизстан", "Кочевник" и т. д. Поэт вносит в стихотворения географические названия, блюда национальной кухни, другие слова из быта киргизского народа – Джети-Огуз, Тянь-Шань, кумыс, мазар, джайлоо, юрта, чабан… Не только стихотворения со специфическими географическими и культурными названиями сразу переносят нас к родной земле поэта. Сами образы, которые создает поэт, – кони, глина, степь, горы, пустыня, травы, луна, розы – сразу же переносят нас в мир Востока. Точные детали пейзажа, яркие штрихи повседневного быта кочевников-охотников, народные традиции – характерные черты лирических произведений этого сборника.

"Это страна – источник всей моей поэзии. Даже если в большинстве мои стихи о России, тень тех карагачей и урюка, которые я сам сажал на кыргызской земле, будучи ребенком легла в основу всего моего творчества", – говорил М.И. Синельников в одном из своих интервью [3, с. 29].

М.И. Синельникова интересует тема назначения поэта и поэзии в этом мире. Первое стихотворение сборника называется "Встреча". Интересно, что несколько последующих сборников, таких как "Киргизская рапсодия", "Сон шелкопряда", также начинаются с этого стихотворения, которое, видимо, сам автор считает программным:

Не засижусь и не оставлю знака,
А постучусь и заявлюсь как есть.
Случайный гость, рассеянный зевака,
Я вам принес одну благую весть.

Но временами помнится и снится,
Что в детстве так бездумно-озорно
Я бросил в щель прогнившей половицы
Гранатовое твердое зерно.

Померкло солнце. Потускнели лица.
Но вижу я, не поднимая век, –
Древесный ствол шумит и шевелится
И крышу дома трогает побег.

М.И. Синельников. Встреча [2, с. 5]

В этом стихотворении мы видим понимание автора своей поэзии – как некий росток, дерево, которое выросло благодаря благодатной почве киргизской земли. На наш взгляд, здесь чувствуется пушкинская традиция – поэзия как некий дар свыше. А также слышны и ноты восточных мотивов – зерна граната и детство – сразу же переносят нас на родину поэта, в южный город Ош. Такое смешение культур и разных поэтических традиций – одна из главных особенностей этого сборника.

Другое стихотворение, посвященное теме поэта и поэзии, на котором мы хотим остановить свое внимание, – "Канатоходец". На наш взгляд, в этом лирическом произведении отразились мотивы Б. Пастернака и его стихотворения "О, знал бы я, что так бывает…":

Искусство – вечный гость Прокруста,
Хрусталь воздушного моста!
Паришь, костей не слыша хруста,
Твоя опора – пустота.
Скрипит махина балансира,
Под пяткой шелестит пенька…
Крик пестрокрашенного мира,
Как будто выстрел, – с языка.
Не рвется.
Вьется.
Сердце бьется.
И видит старый балаган,
Что с голых плеч канатоходца
Глазеет хитрый мальчуган.
…Отцовский каменный затылок,
Бетонной тверди полоса,
Кремень ковров, да медь опилок,
Да вздрогнувшие небеса.
Лицо отца черно от пота,
А сыну хочется уснуть.
Какая скучная работа –
Ни пальцем двинуть, ни вздохнуть!
Висеть, как тоненькая хорда,
За позвоночником кривым,
Как херувим в суме у черта,
Глядящий с облака на Рим.

М.И. Синельников. Канатоходец [2, с. 37]

В одной из статей, посвященных анализу стихотворения Б. Пастернака, мы находим такие строчки: "…обозначим стержневую тематиче-

скую линию, конституирующую образный строй стихотворения: это тема поэзии, поэтического творчества. С ней соотносятся два инвариантных ассоциативно-тематических лейтмотива. Первый может быть условно назван “театральным”, второй – столь же условно – “гладиаторским” [4]. Эту же тематическую линию мы можем уловить в стихотворении М.И. Синельникова. В каждой строчке мы слышим ту же опасность и безысходность выбранного пути. Сам процесс творчества требует от артиста (или поэта) предельной искренности и полной самоотдачи. Лексико-фразеологический ряд стихотворения создает необходимое напряжение:

Искусство – вечный гость Прокруста,
Хрусталь воздушного моста!
Паришь, костей не слыша хруста,
Твоя опора – пустота.

…Отцовский каменный затылок,
Бетонной тверди полоса,
Кремень ковров, да медь опилок,
Да вздрогнувшие небеса.

М.И. Синельников. Канатоходец [2, с. 37]

Поэт утверждает, что искусство подчинено неким особенным правилам, которые, возможно, диктует сама жизнь и общество… И, уже выйдя на сцену, ты будешь играть до конца до “полной гибели, всерьез”. Отсылки к вечному Риму у обоих авторов весьма символичны. Беспощадная толпа требует “хлеба и зрелищ”, не осознавая, что перед ними живой человек, который каждый раз “рискует жизнью”, чтобы создать нечто прекрасное.

Философские мотивы обозначаются во многих стихотворениях данного сборника. Мы немного затронули тему влияния буддийской философии и культуры на произведения М. Синельникова. В развитие этой темы отметим, что еще один важный аспект философской поэзии Синельникова – проблема жизни и смерти. В таких стихотворениях, как “Глиняная летопись”, “Мазар”, “Киргизская охота”, “Топрак-Кале – крепость праха”, поэт рассказывает нам о вечном движении, круговороте жизни и смерти. Интересно, что круговорот жизни и смерти у поэта материализуется во времени и пространстве. В этом парадоксе, собственно, и заключается сложность понимания эволюции и истории:

И не было скончания работам,
И полдень таял в буре пылевой.
И каждый атом веял пыльным потом.
И пахло время глиной полевой.

И снова
Пыль
Тяжелый гром подбросил.
И, по камням стуча, прогрохотал.
И кирпичи ворочает бульдозер.
И за кварталом сносится квартал.

Предвестье строек – это разрушенье…
И, в почву
Тихо уходя на пядь,
Уставших глин
Бессмертное смешенье
Сырой землей становится опять.

М.И. Синельников. Глиняная летопись [2, с. 6]

Поэт размышляет о “жизни” и “смерти” через образ глиняного дома – самана, что тоже весьма символично и сразу переносит нас на Восток, где такие дома – часть культуры и быта народа.

Думаем, что время и пространство являются основополагающими категориями поэзии Михаила Исааковича Синельникова. Постижение – путь к пониманию его поэтического мира. Изучение пространственно-временных образов в лирических произведениях на уровне хронотопа позволяет упорядочить смысловые центры и выявить ключевые проблемы произведений.

К числу наиболее актуальных проблем художественного творчества относится хронотоп – “существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе” (М. Бахтин) [5, с. 273]. Хронотопический подход, все чаще применяемый к изучению литературы, является одним из самых действенных путей постижения художественного мира поэта, так как “всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов” (М. Бахтин) [5, с. 405].

Хронотоп – важнейшая категория литературоведения, в прямой связи с которой находится широкий круг вопросов: о внутреннем единстве и целостности поэтического мира произведения, об особенностях эволюции творчества данного автора, о художественных принципах его поэзии и т. д.

Однако наука до сих пор не разработала проблему хронотопа в лирике, хотя давно уже использует теоретические положения и выводы статьи М. Бахтина “Формы времени и хронотопа в романе” при изучении прозы [5].

Особая сосредоточенность поэта на категориях времени и пространства, думаем, – результат и индивидуального своеобразия мироощущения, и “родовой” принадлежности к культуре Востока.

В своих стихотворениях поэт употребляет и условно-символические и прямые образы пространства и времени – дорога, встреча, река, старый и новый Зодиак, время, жизнь, смерть, кладбище, прах, пыль, мгновение, век, время, секунды, Вселенная.

Так, например, весьма символичен и ярко охарактеризован образ дороги, этот мотив странствий и поиска себя, видимо, связан с самой судьбою поэта и с судьбой его предков, а также с вопросом понимания вечности, памяти и истории. Эти понятия, ключевые для М. Синельникова, которые связывают весь сборник в гармоничное целое:

Куда торопишься, дорога?
Туда бы ты могла вести,
Где нет предела и порога
Для продолжения пути.

Где гул и стук локомотива
Проходит дальней стороной.
За перспективой перспектива
Встает растянутой струной.

М.И. Синельников. Степная дорога [2, с. 48].

Обратим внимание, как с помощью географических и математических терминов поэт показывает нам движение в пространстве – “за перспективой перспектива”. В последних строках стихотворения перед нами появляется птица времени:

И птица вольная степная
В неторопливой дикой мгле,
Из часа в час перелетая,
Проносит время на крыле.

М.И. Синельников. Степная дорога [2, с. 48]

В этом стихотворении мы видим мотивы пространства и времени, взятые из русской литературы – образ “дороги”, здесь и гоголевская “птица-тройка”, и дороги Тютчева, Пушкина (“Зимняя дорога”), Некрасова (“Железная дорога”), Лермонтова (“Выхожу один я на дорогу…”) и т. д. Кроме того, мотив дороги восходит к традициям русского фольклора и связан с одним из жанров древнерусской литературы (хождениями). Видимо, именно к фольклору, к русским сказкам обращается автор стихотворения в этих строках:

Там, где налево и направо
Парят орлы, плывут века…

М.И. Синельников. Степная дорога [2, с. 48]

“Дорога – это носитель хронотопических ценностей”, – пишет Ю.М. Лотман [6, с. 290]. Во многих произведениях хронотоп дороги становится ключевым, поскольку он, обладая широким панорамным объемом, может четко и ясно раскрыть пространственно-временное единство текста.

Поэт затрагивает тревожащий его вопрос – вопрос вечности и бесконечном повторении всего сущего, вопрос истории и связи древнейших миров и современности, связи различных культур. Поэтическое пространство Синельникова не имеет границ, поэт перемещается из одной страны в другую – из Тифлиса в Пермь, из Киргизии – в Грузию. Такие стихотворения, как “Шарден в Тифлисе”, “Возвращение в Киргизстан”, “Коломенское”, “Пермские боги”, “Грабар”, переносят нас в разные уголки земли. Поэт не только спокойно перемещается в пространстве, но и в веках – в его стихотворениях слышны легенды Древней Греции, сказания о Вечном Риме, древний язык Армении и предания о Руси… Категории (“время” и “пространство”) органически едины в художественном мире поэта, в котором во взаимодействии культур и цивилизаций предстает история и личность.

Литература

1. *Межиров А.* Возвращение в Киргизстан: о стихах и переводах Михаила Синельникова / А. Межиров // Киргизская рапсодия: стихи о Киргизии. Восточные мотивы. Переводы из киргизской поэзии / М. Синельников. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
2. *Синельников М.* Облака и птицы / М. Синельников. М.: Советский писатель, 1976.
3. *Денисенко Е.* Тянь-Шанский мотив россиянина Синельникова / Е. Денисенко // Вечерний Бишкек. № 153 (11170). 23 декабря 2016.
4. *Власов А.С.* Лирический хронотоп в стихотворении Б. Пастернака “О, знал бы я, что так бывает...” / А.С. Власов // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: материалы международной научно-практической конференции. Кострома, 22–24 марта 2012 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. С. 186–188. URL: http://vlasov.kostromka.ru/articles/013.php (дата обращения: 10.03.2018).
5. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. М.: Худ. лит., 1975.
6. *Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы и теория литературы / Ю.М. Лотман. СПб.: Искусство, 1997.